

25.10.—15.12.2019
Jane Remm

Vaateid maastikule
Views on a Landscape
Вид на ландшафт

TALINNA KUNSTIHOONE
TALLINN ART HALL

KÄND KARULAS PERAJÄRVEL
A STUMP AT PERAJÄRVE IN KARULA
ПЕнь НА ПЕРАЯРВЕ В КАРУЛА

Õli lõuendil
Oil on canvas
Холст, масло
70 x 140 cm
2018

О ЛАНДШАФТАХ
Яне Ремм

Мне приходится бывать как на севере, так и на юге Эстонии. С годами я стала замечать происходящие там перемены: застройку природных ландшафтов, сооружение пешеходно-велосипедных дорожек в местах роста кустарников, вырубку лесов и непрерывное появление новых асфальтированных дорог. Пейзаж отражает деяния современного общества, а также несет след прошлого и признаки будущего. Изменения в ландшафтах, в свою очередь, влияют на образ жизни и предпочтения человека. Это естественный процесс, но некоторые перемены в нем необратимы: так, за массовым вымиранием некоторых видов животных и растений стоит именно изменение ландшафтов путём интенсификации¹ сельского и лесного хозяйства.

Наблюдая за этим, я увлеклась изучением ландшафта. Особенно меня

заинтересовал гуманитарный подход в изучении восприятия и понимания человеком ландшафта². Как картины окружающей природы менялись со временем и как это отображалось в культурной памяти? Как природа влияет на идентичность? Как искусство и культура формируют ландшафт?

Европейская конвенция о ландшафтах³ определяет, что «Ландшафт» означает часть территории, в том смысле как она воспринимается населением. Данная часть территории отличается результатом действия природного и/или человеческого факторов либо их взаимодействия. Ландшафт можно воспринимать по-разному, например, визуально. «Видение» напрямую связано и с самим определением ландшафта, поскольку изначально оно обозначало и определенную территорию, и открывающийся на нее вид, и нарисованное изображение этого пейзажа.⁴

VAATEID MAASTIKULE
Jane Remm

Olen seotud mitme paigaga nii Lõuna- kui ka Põhja-Eestis. Aastate jooksul olen tähele pannud neis paigus toimuvaid muutusi: loopealsetele rajatavaid arendusi, kergliiklusteid võsa asemel, metsaraideid, pidevalt lisanduvaid asfaltteid. Maastik kajastab praegust ühiskonda, aga kannab ka mineviku jälgi ja osutab tulevikule. Maastiku muutumine omakorda mõjutab inimeste elustiili ja hoiakuid. See on loomulik protsess, kuid mõned muutused on pöördumatud, nii on liikide massilise väljasuremise taga just maastike muutumine – põllumajanduse ja metsanduse intensiivistumine¹.

Neid muutusi jälgides hakkas mind huvitama maastiku uurimine, eriti paelus humanitaarne käsitlus, mis uurib seda, kuidas inimene maastikku mõistab ja tõlgendab². Kuidas maastikud on ajas muutunud ja peegeldavad kultuurimälu? Kuidas maastikku tõlgendatakse? Kuidas maastikud mõjutavad identiteeti? Kuidas kunst ja kultuur kujundavad maastikku?

Euroopa maastikukonventsioon³ sätestab, et “mõiste “maastik” tähendab inimese poolt tajutavat, looduslike ja/ või inimtekkeliste tegurite toimet ning koosmõjul kujunenud iseloomulikku ala”. Maastikku võib tajuda mitut meele, näiteks vaadates. Vaatamine on otseselt seotud ka maastiku mõistega,

intensification of agriculture and forestry.¹

As I observed these changes, I developed an interest in the study of landscapes, particularly the humanitarian approach, which studies how humans understand and interpret landscapes.² How have landscapes changed over time and how do they reflect cultural memory? How are landscapes interpreted? How do landscapes influence identities? How do art and culture shape landscapes?

The European Landscape Convention³ defines “landscape” as an area, as perceived by people, whose character is the result of the action and interaction of natural and/or human factors. Landscapes can be perceived in different ways, such as by

viewing. The act of viewing is directly related to the concept of landscape, which initially signified a certain area as well as a view and a painted image of this area.⁴

As today the vast majority of people live in cities, landscapes outside the city limits are mostly perceived through a car, bus or train window. It could be said that roadside landscapes are being consumed as spectacles or views. The trajectory of a path or road determines what is seen and roadside views form impressions of the country. The legendary Estonian conservationist Veljo Ranniku describes how landscapes and roadside views were designed in the Soviet era. The impression of entering the countryside

Так как большинство людей сегодня проживает в городах, картины природы они могут наблюдать в основном только из окна машины, и для горожан придорожные ландшафты становятся чем-то вроде спектаклей или произведений живописи. Траектории автодорог влияют на то, что именно мы видим, придорожные ландшафты – на то, какое впечатление о загородной местности у нас складывается. Известный эстонский защитник природы Вельо Раннику описывал формирование придорожных ландшафтов в советское время. При выезде из города создавали открытые перспективы, полуоткрытые или полузакрытые ландшафты, на пустынной местности оставляли или сооружали зрительные акценты. Тянувшиеся вдоль шоссе автодорог государственные и колхозные леса признавали как леса с полным запретом на рубку.⁵ Решения, принятые в те времена, влияют и на сегодняшний

пейзаж. Некоторые ландшафты просто исчезли, и мы никогда не увидим их, проезжая там или гуляя по походным тропам. Есть природные места, которые превозносятся людьми. Пары противоположностей – ландшафт реальный и идеальный⁶, промышленный и потребительский⁷ – берут начало еще со времен романтизма и промышленной революции, но они никуда не делись и теперь.

С помощью информационных стендов, обустроенных дощатых лесных троп и смотровых площадок нас направляли к рекреационным потребностям ландшафтам. Многие же промышленные ландшафты, которые используются для добычи необходимых для комфортной повседневной жизни ресурсов, скрыты от наших глаз. Некоторые ландшафты высоко ценятся, другие воспринимаются как обыденные или даже неприятные. Европейская конвенция о ландшафтах

mis algupäraselt tähistas nii teatud ala kui ka vaadet sellele ning selle maalitud kujutist⁴.

Enamik inimesi elab tänapäeval linnades, seetõttu tajutakse linnast väljas asuvaid maastikke enamasti sõidukiaknast vaadates. Võib öelda, et sel viisil tarbitakse teeäärseid maastikke vaatamängu või vaatepiltidena. Teede trajektooriid mõjutavad seda, mida nähakse, teeäärsed vaated kujundavad muljet maast. Legendaarne Eesti looduskaitseja Veljo Ranniku kirjeldab, kuidas nõukogude ajal teeäärseid maastikuvaateid kujundati. Linnast välja sõites loodi mulje maale jõudmisest avarate perspektiividega, püüti luua poolavatud või poolsuletud maastikke, avamaastikes vaatelisi aktsente. Maanteeäärsed riigi- ja kolhoosimetsad kuulutati riigikaitsele viidates lageraieõigusega metsadeks⁵. Tolleaegsed otsused mõjutavad seda, mida me täna teede ääres näeme. On maastikke, mida teedel sõitvad või matkaradadel kulgevad inimesed kunagi ei näe. On maastikke, mida esile tuuakse. Romantismi ja tööstusrevolutsiooni ajast alguse saanud sellised vastandite paarid nagu reaalne maastik ja ideaalmaastik⁶ ning tööstusmaastik ja tarbimismaastik⁷ kehivad tänagi.

Rekreatsioonilistel tarbimismaastikel suunatakse meid infotahvlite, laudteede ja vaateornidega. Paljud tööstusmaastikud, kust mugavaks eluks vajalikke vahendeid hangitakse, on varjatud. Mõningaid maastikke hinnatakse, teisi peetakse igapäevasteks või ebameeldivateks. Ka Euroopa

upon leaving town was created through wide perspectives; the aim was to create semi-open or semi-closed landscapes, as well as to add visual emphasis to open landscapes. Citing reasons of national defence, clearcut logging was prohibited in state and kolkhoz (i.e. collectivised) forests along major roads.⁵ Decisions made back then have an effect on what we see on the roadsides today. Some landscapes are never seen by the people driving on the roads or travelling on hiking trails, while others are highlighted. Pairs of opposites originating from the Romantic era and the Industrial Revolution, such as real and ideal landscapes⁶ and industrial and consumer landscapes⁷ are still relevant today.

Recreational consumer landscapes direct us via information boards, boardwalks and observation towers. Many industrial landscapes providing the resources necessary for a comfortable life are hidden away. Some landscapes are valued, others are deemed to be quotidian or unpleasant. The European Landscape Convention also divides landscapes into valuable and common landscapes.

The types of landscapes that are valued change over time and depend on attitudes. For example, mires have traditionally been an area both feared and avoided – farmers only went there to hunt or pick berries, but they also provided shelter from enemies and diseases, as well

тоже разделяет их на уникальные и обычные.

Представление об уникальности ландшафтов меняется с течением времени. Болота, например, традиционно считались местностью, которую боялись и избегали. Если не считать, что оно было убежищем от врагов и болезней, а также через него пролегалла санная дорога, то крестьянам там, кроме охоты и походов за ягодами, делать было нечего. В течение сотен лет болота менялись – осушением, торфяными раскопками они превращались в леса или сельскохозяйственные угодья. В наши дни на болота ходят за ягодами или для отдыха, болото стало примером нетронутой первобытной природы⁸. В то же время повседневные (неландшафты) ценятся все больше – как с точки зрения эстетики, так и охраны природы. Хотя дикая природа и места, удаленные от человеческой деятельности, являются

maastikukonventsioon jagab maastikud väärtuslikeks ja tavalisteks.

See, milliseid maastikke väärtustatakse, muutub ajas ja oleneb hoiakutest. Näiteks soo on traditsiooniliselt olnud ala, mida kardetakse ja välditakse: talurahval ei olnud sohu muidu asja, kui jahile või marjule, samuti oli soo pelgupaik vaenlaste ja haiguste eest ning ühendus taliteedena. Sood on sajandite jooksul ümber kujundatud kuivendades, turvast kaevandades, seda metsaks või põllumaaks raadates. Tänapäeval käiakse soos marju korjamas või puhkamas, soo on põlislooduse näide⁸. Teise näitena võiks tuua selle, kuidas üha enam väärtustatakse argiseid (mitte) maastikke, seda nii esteetilisest kui ka loodushoiu vaatepunktist. Kuigi põlisloodus ja inimtegevusest kaugemad alad on paljudele liikidele ainukesed sobivad elupaigad, saab elurikkust hoida ka inimmõjuga maastikel: linnas, koduaias, tühermaadel, vanades kaevandustes. Mahajäetud karjäärides hakkab loodus lokkama üsna pea, kui inimtegevus väheneb. Esmalt leiavad elupaiga jõulised pioneerliigid, mõne aasta pärast ilmuvad puuvõsud.

Kuid on ka teisi viise maastiku tajumiseks kui vaatamine: kuulata, haista, katsuda – maastikus töötada ja elada. Sotsiaalanthropoloog Timothy Ingoldi järgi on sel juhul tegu tegevusmaastikuga (ingl *taskscape*), mis vastandina passiivsele maastikule on interaktiivne⁹. Maastikus tegutsedes tajume seda rikkalikumalt. On teada tõsiasi, et väärtustame seda, mida

as a connection in the form of winter roads. Mires have been transformed over the course of centuries through drainage, peat cutting, or being turned into forest or farmland. Today, the mire is a place to go berry picking or for recreation; it is the quintessential wilderness.⁸ Another example is how ordinary (anti-)landscapes are being increasingly valued, both from an aesthetic and an ecological viewpoint. Although wilderness and areas untouched by human activity are the only suitable habitat for many species, biodiversity can also be maintained in landscapes that are affected by human activity: cities, domestic gardens, wastelands, old mines. Nature begins to flourish in abandoned quarries shortly

after human activity subsides. First, pioneer species colonize the site, and a few years later, tree saplings follow.

There are also other ways of perceiving landscapes in addition to viewing them: hearing, smelling, touching – working and living in landscapes. According to social anthropologist Tim Ingold, this makes the landscape into a taskscape, which is interactive as opposed to the passiveness of a landscape.⁹ When we are active in a landscape, we perceive it more richly. It is known that we value that which we are familiar with. Having never seen a silver-washed fritillary or a brown hawk, a person will not notice their absence in another landscape, nor their disappearance.

tunneme. Kui inimene ei ole kunagi näinud rohetäpikut või pruuni tondihobu, ei märka ta ka nende puudumist teises keskkonnas ega kadumist. Siinkohal on paslik osutada sellele, et paljud planeedi liigid surevad välja enne, kui inimene neid on tundma õppinud¹⁰. Selleks, et looduskeskonda hoida, on vaja selles elada. Eriti hea, kui lapsest saati. Kuid kas räägime sel juhul maastikust? Nagu sõnastab kultuurigeograaf Denis Cosgrove¹¹ – maastik on kõrvaltvaatajale, kohalikule sobib paremini koht.

Lõpetuseks on sobiv välja tuua, et ka kunstil on olnud oluline roll maastike ja looduskeskonna kujundamisel, olgu näiteks Itaalia-reiside maalidest inspireeritud muutused Inglismaa maastikes¹², Albert Bierstadti maalide mõju Yosemite'i rahvuspargi loomisel¹³ või Anselm Adamsi ja Elliot Porteri fotod 20. sajandi Ameerika looduskaitse kujundajana¹⁴.

Indeed, many of the planet's species will become extinct before we even discover them.¹⁰ To really look after a natural environment, you need to live, or better still, grow up in that landscape. But should we be talking about landscape at all in this case? As stated by cultural geographer Denis Cosgrove¹¹, “to apply the term *landscape* to their surroundings seems inappropriate to those who occupy and work in a place as insiders.”

In conclusion, it is fitting to point out that art has also played an important role in shaping landscapes and the natural environment. Examples include how paintings from Italian travels inspired changes in English landscapes,¹² the influence of Albert Bierstadt's

paintings on the creation of Yosemite National Park¹³ or the photographs of Ansel Adams and Elliot Porter in shaping 20th-century American environmentalism.¹⁴

1 UN IPBES media release: Nature's Dangerous Decline "Unprecedented"; Species Extinction Rates "Accelerating", 2019. <https://www.ipbes.net/news/Media-Release-Global-Assessment> (27.05.2019).

2 Palang, H. Maastikest siin raamatus. – Rmt: Maastik: loodus ja kultuur. Maastikukäsitlusi Eestis. Toim. Hannes Palang ja Helen Sooväli (Publicationes Instituti Geographici Universitatis Tartuensis 91). Tartu: Tartu Ülikooli geograafia instituut, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001, lk 8.

3 Euroopa maastikukonventsioon. Euroopa nõukogu. 2000. http://www.envir.ee/sites/default/files/maastikukonventsiooni_eestikeelne_ametlik_tolge.pdf (05.12.2018).

4 Di Palma, V. Is Landscape Painting. – Rmt: Is Landscape ...? Toim. Gareth Doherty ja Charles Waldheim. London, New York: Routledge, 2016, lk 47.

5 Ranniku, V. Kuidas me maastiku kujundasime. – Rmt: Maastik: loodus ja kultuur. Maastikukäsitlusi Eestis. Toim. Hannes Palang ja Helen Sooväli (Publicationes Instituti Geographici Universitatis Tartuensis 91). Tartu: Tartu Ülikooli geograafia instituut, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001, lk 140.

6 Herrington, S. On Landscapes. New York, London: Routledge, 2009.

7 Frykman, J., Löfgren, O. Kultuurne inimene. Keskklassi eluolu ajalooline areng. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus, 2015, lk 70.

8 Pungas-Kohv, P., Keskspaik, R., Kohv, M., Kull, K., Oja, T., Palang, H. Interpreting Estonian mires: common perceptions and changing practices. Fennia 193 (2), 2015, lk 247, 251.

9 Ingold, T. The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2000. <https://leiaarqueologia.files.wordpress.com/2017/08/the-perception-of-the-environment-tim-ingold.pdf> (05.12.2018).

10 Wilson, E. Half Earth. Our Planet's fight for Life. New York, London: Liveright Publishing Corporation, 2016, lk 23.

11 Cosgrove, D. Social Formation and Symbolic Landscape. 2. trükk. The University of Wisconsin Press, 1998, lk 19.

12 Samas, lk 204.

13 Cosgrove, D. Images and imagination in the 20th-century environmentalism: from the Sierras to the Poles. Environment and Planning A, 40, 2008, lk 1865. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1068/a40226> (25.09.2019).

14 Samas, lk 1866–1867.

1 UN IPBES media release: Nature's Dangerous Decline "Unprecedented"; Species Extinction Rates 'Accelerating'. (2019). <https://www.ipbes.net/news/Media-Release-Global-Assessment> (27.05.2019).

2 Palang, H. (2001). Maastikest siin raamatus. In: Hannes Palang and Helen Sooväli (Eds.). Maastik: loodus ja kultuur. Maastikukäsitlusi Eestis (Publicationes Instituti Geographici Universitatis Tartuensis 91). Tartu: University of Tartu, Department of Geography, University of Tartu Press, pp. 8–10, p. 8.

3 European Landscape Convention. (2000). Council of Europe. http://www.envir.ee/sites/default/files/maastikukonventsiooni_eestikeelne_ametlik_tolge.pdf (05.12.2018).

4 Di Palma, V. (2016). Is

Landscape Painting. In: Is Landscape...? Gareth Doherty and Charles Waldheim (Eds.). London, New York: Routledge, pp. 44–70, p. 47.

5 Ranniku, V. (2001). Kuidas me maastiku kujundasime. In: Hannes Palang and Helen Sooväli (Eds.). Maastik: loodus ja kultuur. Maastikukäsitlusi Eestis (Publicationes Instituti Geographici Universitatis Tartuensis 91). Tartu: University of Tartu, Department of Geography, University of Tartu Press, pp. 135–141, p. 140.

6 Herrington, S. (2009). On Landscapes. New York, London: Routledge.

7 Frykman, J., Löfgren, O. (2015). Kultuurne inimene. Keskklassi eluolu ajalooline areng. Tallinn: Tallinn University Press, p. 70.

8 Pungas-Kohv, P., Keskspaik, R., Kohv, M., Kull, K., Oja, T., Palang, H. (2015). Interpreting Estonian

mires: common perceptions and changing practices. Fennia 193 (2), pp. 242–259, p. 247, 251.

9 Ingold, T. (2000). The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group. <https://leiaarqueologia.files.wordpress.com/2017/08/the-perception-of-the-environment-tim-ingold.pdf> (05.12.2018).

10 Wilson, E. (2016). Half Earth. Our Planet's fight for Life. New York, London: Liveright Publishing Corporation, p. 23.

11 Cosgrove, D. (1998). Social Formation and Symbolic Landscape. 2nd edition. The University of Wisconsin Press, p. 19.

12 Ibid., p. 204.

13 Cosgrove, D. (2008). Images and imagination in the 20th-century environmentalism:

from the Sierras to the Poles. Environment and Planning A, 40, pp. 1862–1880, p. 1865. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1068/a40226> (25.09.2019).

14 Ibid., pp. 1866–1867.

единственным подходящим местом обитания для многих видов животных и растений, богатство природы можно поддерживать и в местах деятельности человека: в городах, на приусадебных участках, пустырях и старых шахтах. А в заброшенных карьерах, как только человек отступает, природа сама начинает возрождаться. Сначала восстанавливаются сильные пионерские виды, через пару лет появляется и поросль.

Но кроме визуального восприятия ландшафта, есть и другие способы: слышать его, чувствовать запах, трогать – жить и работать внутри него. По словам социального антрополога Тимоти Ингольда, в этом случае мы будем иметь дело с антропогенным ландшафтом, который, в противоположность пассивному, является интерактивным⁹. Действуя в рамках ландшафта, мы можем глубже ощущать его. Ведь всем известна простая истина: мы больше

ценим то, что можем прочувствовать. Если человек никогда не видел перламутровку большую или коромысло большое, он также не заметит отсутствия или вымирания этих насекомых. Самое время задаться вопросом – сколько существующих на нашей планете видов успеют исчезнуть, прежде чем человек научится их распознавать¹⁰? Чтобы быть способным ценить окружающую природу, необходимо жить в ней. И лучше всего – с детства. Но говорим ли мы в этом случае о ландшафте? Как пишет культурный геолог Денис Косгроув¹¹, ландшафт – это местность, наиболее подходящая для ее обитателей в глазах стороннего наблюдателя.

В заключение можно сказать, что и у искусства была важная роль в формировании местности и окружающей среды. Будь то, например, пейзажи, нарисованные по мотивам путешествий по Италии и повлиявшие на перемены в английских

ландшафтах¹², или картины Альберта Бирштадта, подтолкнувшие к созданию национального парка Йосемити¹³; или фотографии Энсела Адамса и Эллиота Портера, ставшие символом защиты природы в Америке XX века¹⁴.

1 UN IPBES media release: Nature's Dangerous Decline "Unprecedented"; Species Extinction Rates 'Accelerating'. (2019). <https://www.ipbes.net/news/Media-Release-Global-Assessment> (27.05.2019).

2 Palang, H. (2001). Maastikest siin raamatus. // Под ред. Hannes Palang, Helen Sooväli. Maastik: loodus ja kultuur. Maastikukäsitlusi Eestis (Publicationes Instituti Geographici Universitatis Tartuensis 91). Tartu: Tartu Ülikooli Geograafia Instituut, Tartu Ülikooli Kirjastus. C. 8–10, c. 8.

3 Европейская конвенция о ландшафтах (2000). Совет Европы. <https://rm.coe.int/168008063e>. Неофициальный перевод.

4 Di Palma, V. (2016). Is Landscape Painting. // Is Landscape...? Под ред. Gareth Doherty and Charles Waldheim. London, New York: Routledge. C. 44–70, c. 47.

5 Ranniku, V. (2001). Kuidas me maastiku kujundasime. // Под ред. Hannes Palang, Helen Sooväli. Maastik: loodus ja kultuur. Maastikukäsitlusi Eestis (Publicationes Instituti Geographici Universitatis Tartuensis 91). Tartu: Tartu Ülikooli Geograafia Instituut, Tartu Ülikooli Kirjastus. C. 135–141, c. 140.

6 Herrington, S. (2009). *On Landscapes*. New York, London: Routledge.

7 Frykman, J., Löfgren, O. (2015). Kultuurne inimene. Keskklassi eluolu ajalooline areng. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus. C. 70.

8 Pungas-Kohv, P., Keskspaik, R., Kohv, M., Kull, K., Oja, T., Palang, H. (2015). Interpreting Estonian mires: common perceptions and changing practices. Fennia 193 (2). C. 242–259, c. 247, 251.

9 Ingold, T. (2000). The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group. <https://leiaarqueologia.files.wordpress.com/2017/08/the-perception-of-the-environment-tim-ingold.pdf> (05.12.2018).

10 Wilson, E. (2016). Half Earth. Our Planet's fight for Life. New York, London: Liveright Publishing Corporation. C. 23.

11 Cosgrove, Denis. (1998). Social Formation and Symbolic Landscape. Second edition. The University of Wisconsin Press. C. 19.

12 Там же, c. 204.

13 Cosgrove, D. (2008). Images and imagination in the 20th-century environmentalism: from the Sierras to the Poles. Environment and

Planning A, 40, 1862–1880. C. 1865. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1068/a40226> (25.09.2019).

14 Там же, c. 1866–1867.

KÄND KARULAS KIVIKALME JUURES
A STUMP AT A GRAVE SITE IN KARULA
ПЕнь В КАРУЛА РЯДОМ С КАМЕННЫМ МОГИЛЬНИКОМ

Õli lõuendil
Oil on canvas
Холст, масло
70 × 195 cm
2018

BECOMING BEAUTIFUL
THROUGH
INTERPRETATION.
THE OLD FOREST FLOOR –
THE MISSION
OF ECO-AESTHETICS
Kalevi Kull

What one sees influences one's preferences. This is how art changes us. But deciding what to display is the artist's responsibility. And opportunity. We recognise what we've seen. If what we have seen was compelling, we begin to notice it again and again. In this way, a picture of something or someone – existent or non-existent, the picture itself – can shift our attention and change our preferences, and even turn something (relatively) unknown to us into something desirable

or valuable.¹ That is important. Through pictures, one can move or emphasise aesthetic preferences. The next question is where and in what direction are values either pushed or not pushed. Where is the frame drawn.

It is vital to maintain local community. Preservation of life is, primarily and above all else, the preservation of local community.² One might think that the environment pertains to the love of nature and ecology. But that is not enough. The actions we take to preserve nature are strongly related to aesthetics. Environmentalism functions with the support of aesthetics. That knowledge of beauty itself, however, stems from the experience of differentiating organic forms.

СТАТЬ КРАСИВЫМ
ЧЕРЕЗ ИНТЕРПРЕТАЦИЮ.
СТАРЫЙ ЛЕС.
МИССИЯ ЭКОЭСТЕТИКИ
Калеви Кулл

То, что мы видим, влияет на наши предпочтения. Таким образом искусство меняет нас. Но ответственность несет художник, поскольку что показать, выбрал он. Иначе говоря – он несет возможность.

Мы узнаем то, что уже видели. Если увиденное нас впечатлило, мы начнем замечать его снова и снова. Так изображение чего-то или кого-то, существующего в реальности или нет, может обусловить сдвиг в нашем восприятии и предпочтениях. И даже превратить в нечто желанное или ценное, о чем мы (практически) не знали.¹ Как раз это и является важным. Через изображения можно изменить или усилить эстетические

предпочтения. В результате, ключевую роль в дальнейшем сыграет то, в каком направлении переместятся – или не переместятся – ценности. Где будет изображена рама.

Местную экосистему необходимо беречь. Защита жизни – это прежде всего и есть защита местного биологического сообщества.² Можно предположить, что окружающая среда – дело любителей природы и экологов. Но только их всегда не хватает, поскольку акты сохранения родной природы глубочайшим образом связаны с эстетикой. Чувство прекрасного стимулирует деятельность по защите окружающей среды. Само же познание красоты рождается из опыта различения органических форм.

Если архитектор ландшафта или дизайнер сада не догадается взять за основу местный биоценоз, то это наверняка связано с его эстетическим чувством. Привычное и исконное

KAUNIKSSAAMINE TÕLGENDUSE KAUDU.
VANA METSALUNE.
ÕKOESTEETIKA MISSIOON
Kalevi Kull

Mida keegi näeb, see mõjustab ta eelistusi. Nii see kunst meid muudab. Ent kunstniku oma on vastutus, sest ta valis, mida näidata. Ehk võimalus.

Me tunneme ära, mida oleme näinud. Kui nähtu on mõjuv, märkame seda ikka ja jälle. Niimoodi saab pilt millestki-kellestki, olevast või olematust, pilt ise meie tähelepanu ja eelistusi nihutada. Koguni kujundada soovitu või väärtuslik millestki, mida me pole (eriti) tundnud.¹ See ongi oluline. Piltide kaudu saab nihutada või rõhutada esteetilisi eelistusi. Edasi on siis tähtis, kuhu poole, mis suunas väärtusi liigutatakse või ei liigutata. Kuhu joonistatakse raam.

Kohalik kooslus on väga oluline hoida. Eluhoid ongi ennekõike ja põhiliselt kohaliku koosluse hoid.² Võiks mõelda, et keskkond on loodusearmastuse ja ökoloogia asi. Ent neist ei piisa kuidagi. Sest oma looduse hoidmise teod on väga olulisel määral seotud esteetikaga. Keskkonnakaitse toimib ilutunde toel. Too ilutarkus ise aga sünnib orgaanilise vormi eristuskogemusest.

Kui maastikuarhitekt või aiakujundaja ei taipa valida kohalikku kooslust, siis see on natuke kindlasti ilumeele pärast. Tavaline

If a landscape architect or landscape gardener does not make choices in favour of the local community, then it definitely has something to do with aesthetics. The allure of the common, the endemic, has been less than for the exotic and cultivated. When deciding how to cultivate land, what approach should be considered the best – education in the field of beauty turns out to have a notable effect. It is obvious that a musical education plays a part in what kind of music is made and what kind of music is preferred. Similarly, the skill of differentiating local community and its inhabitants plays a part in the evaluation of the community.

In the 19th century, the bog was not considered to be

a thing of beauty. Nor was it admired during Tammsaare's time. The change began much later – in the 1960s. It seems that this was caused by photographs. Viktor Masing and some other ecologists might have provided inspiration, but the bulk of the work was done by the photography of Edgar Kask and Fred Jüssi – selected views of nature, photographic artwork with a couple of words. Over the course of many decades, the value of a “living bog” has become evident. Even more, bog pools have become an important hallmark of the beauty of Estonia.

Rotten, fungus-stricken trees in a forest full of twig litter. It has not become our sign of life yet. But it will, for

pärismaine võlus teda vähem kui kaugelttoodu ja kultiveeritu. Selle valiku korral – milliseks kujundada maa, millist pidada parimaks – on iluharidusel üksjagu toimet. Ilmselge, et muusikaharidusel on osa selles, millist muusikat tehakse ja millist eelistatakse. Niisama on kohaliku koosluse eristamise ja tema elanike tundmise oskusel mõju koosluse väärtustamisele.

Soo ei olnud ilus koht 19. sajandil. Ei imetletud seda ka veel Tammsaare ajal. Hoopis hiljem, ehk 1960-ndail, algab muutus. Tundub, et selle põhjustajad olidki pildid. Viktor Masing ja teised ökoloogid võisid innustada, kuid määrava töö tegid Edgar Kase ja Fred Jüssi pildid. Valitud loodusvaated, mõne sõnaga kaasatud fotokunst. Elava raba väärtus on aastakümneiga kohale jõudnud. Veelgi enam, rabalaukaist on saanud Eesti ilu tähtis märk.

Kõdunevad seenetanud puud oksarisuses metsas. See ei ole veel meie elumärgiks saanud. Ent saab. Sest see räägib ju elurikkusest. Ökosüsteemi tasakaalust.

Milline mets on ilus? Tean, et mõned eelistavad hästi hooldatut, kus pole maas oksavarist, kus puud sirged ja seenteta. Tean, et mõned eelistavad segavanuselist metsa, kus teiste seas leidub väga vanu puid ja kõdunevaid torikulisi tüvesid. Mets võib olla kunstlik kooslus kui puukultuur, või pärandkooslus meie hoitud hüludega, või põliskooslus inimkæe tõstmata – üks eelistab üht, teine teist. Need hinnangud aga nihutavad otsuseid metsa kohta,

it speaks of biodiversity. Of a balanced ecosystem.

What kind of a forest is beautiful? I know that some prefer a well-groomed forest with no twig litter, where the trees are straight and free of fungi; some prefer a mixed-age forest, where you can find very old trees and tree stumps with bracket fungi. The forest can be an artificial community, or a sustainably managed heritage community, or a primeval community bearing no sign of human interference – some might prefer this, while others prefer that. These evaluations, however, shift decisions made about forest management and influence the direction in which communities will change, how the landscape will change, and how the green areas and

biodiversity will change.

A rich old local community is more perfect than a new cultivated one. This can be proven by an ecologist; it can be shown by an artist; it can be discovered on one's own.

Eco-aesthetics are the kind of aesthetics that either have understood or are beginning to understand the ecosystem.³ This might be particularly important right now.⁴ The idea of sustainability has reached everyone, but understanding of the terms of the balance of the ecosystem is a rare occurrence. This is called post-sustainable culture.⁵ Ignorance is tragic, but it is not the end. Deep ecology will be followed by deep adaptation,⁶ a way of coexisting with the local community.

A landscape painting brings

привлекло его меньше, чем привезенное издалека и культивируемое. На выбор – каким сформировать пейзаж, что посчитать лучшим – непосредственно влияет эстетическое образование. Точно также на музыкальные предпочтения влияет музыкальное образование. Аналогичным образом, на значение, придаваемое экосистеме, влияет навык различения многообразия видов и форм в живых сообществах.

Болото не было красивым местом в XIX веке. Не любовались им и во времена писателя Антона Хансена Таммсааре. Ситуация начала меняться гораздо позже, в 1960-е годы. Как кажется, причиной этому стали именно изображения. Виктор Мазинг и другие экологи могли воодушевлять, но решающую роль сыграли образы визуальные, созданные Эдгаром Каском и Фредом Юсси. Соединенное с лаконичным комментарием фотоискусство, избранные виды природы. Ценность

живого болота была осознана за десятилетие. Более того, болотное озерко превратилось в значимый символ красот эстонской природы.

Поросшие грибами трухлявые деревья в заросшем лесу. Они еще не стали знаком нашей жизни. Но станут. Ведь они говорят о биоразнообразии. Равновесии экосистемы.

Какой лес является красивым? Знаю, что некоторые предпочитает ухоженный лес, где на земле не валяются упавшие ветки, где деревья стройны и не страдают от грибов. Знаю, что другие предпочитает лес с древостоем разного возраста, где растут очень разные деревья и валяются облепленные грибами гниющие стволы. Экосистема леса может быть разной: искусственной, как в арбокультуре, или исконной, которой не касалась рука человека, или унаследованной с хранимыми нами просеками. Каждый человек предпочитает свое. И эти суждения

влияют на решения, касающиеся леса – на то, в каком направлении изменятся экосистемы, какой станет растительность и как изменится видовое разнообразие.

Старая богатая местная экосистема более целостна и органична, чем молодые насаждения. Это может подтвердить эколог, может показать художник. Это можно осознать самому.

Экоэстетика – это эстетика, которая понимает экосистему или приближается к ее пониманию.³ Сейчас это, наверное, особенно важно.⁴ Идея устойчивого развития знакома всем, но понимание условий равновесия экосистемы – явление редкое. Это называют постустойчивой (post-sustainable) культурой.⁵ Непонимание трагично, но это не конец. Вслед за периодом глубокой экологии последует глубокая адаптация⁶ – гармоничное сосуществование с местным биосообществом.

mõjutavad seda, mis suunas kooslused muutuvad, kuidas muutub maastik, kuidas rohelus ja liigirikkus.

Vana rikas kohapärane kooslus on täiuslikum kui noor ja istutatu. Seda võib tõendada ökoloog, seda võib näidata kunstnik. Seda võib avastada ise.

Ökoesteetika – see on esteetika, mis on ökosüsteemi mõistnud, või mõistmas.³ Praegu on see vist eriti oluline.⁴ Säästlikkuse idee on kõigini jõudnud, kuid ökosüsteemi tasakaalutingimuste mõistmine on harv. Sellist nimetatakse post-säästlikuks kultuuriks.⁵ Mõistmatus on traagiline, kuid see pole lõpp. Süvaökoloogia järg on süvakohanemine,⁶ viis, kuidas elada kohaliku kooslusega koos.

Maastikumaal toob meid paika kohale. Kui vaadata päris lähedalt, mikromaastikumaali kaudu, koosluseportreede sisse, siis on side veel tugevam. Sünnib sümbioos.

Puhtulaiu metsas on juba üle kahesaja aasta väike mälestusmärk Friedrich Schillerile, esimesi talle maailmas. Schilleri salme Eesti metsas kohata on veidi veider, ent neis on romantismiajastu ökoloogilist juhatust. Ta kirjutas vabast loodusest, milleni võib ulatuda hea kunsti kaudu.

Kõdunevad seenetanud puud oksarisuses metsas. Vana kohapärase looduse täiustamiseks on tegelikult vähe viise.⁷ Ta täiustab end ise. Ent selle väärtuse tähelepanemiseks on võimalusi küll. Arusaamiseks, kooseluks.

us to a location. If we take an even closer look through micro-landscapes, into depictions of communities, then the connection is even stronger. Symbiosis is born.

For over two hundred years, a small memorial to Friedrich Schiller – one of the first in the world to have been dedicated to him – has stood in Puhtulaid forest. It is a bit odd to bump into Schiller’s verses in the Estonian woods, but they carry the ecological guidance of the Romantic era. He wrote of free nature that could be reached through good art.

Decomposing fungi-littered trees in a forest rich with twig litter. There are few ways of enriching the truly ancient local natural environment, but there definitely are opportunities to

notice its value.⁷ Opportunities to understand, to coexist.

- 1 Vt Saito, Yuriko. Looduse väärtustamisest. (Maran, Timo, tlk.) Vikerkaar (2/3) 1999, lk 76–90.
- 2 Kull, Kalevi. Kohalik kooslus. Vikerkaar 34(9) 2019, lk 41–43.
- 3 Carlson, Allen. Environmental aesthetics, ethics, and ecoaesthetics. Journal of Aesthetics and Art Criticism 76(4) 2018, lk 399–410. Cheng, Xiangzhan. On the four keystones of ecological aesthetic appreciation. In: Estok, Simon C.; Kim, Won-Chung (eds.), East Asian Ecocriticisms: A Critical Reader. New York: Palgrave Macmillan, 2013, lk 221–236.
- 4 Araeen, Rasheed. Ecoaesthetics: A manifesto for the twenty-first century. Third Text 23(5) 2009: 679–684. Miles, Malcolm. Eco-Aesthetics: Art, Literature and Architecture in a Period of Climate Change. London: Bloomsbury Academic 2014.
- 5 Phillips, Perdita. Artistic practices and ecoaesthetics in post-sustainable worlds. In: Crouch, Christopher; Kaye, Nicola; Crouch, John (eds.), An introduction to sustainability and aesthetics: The arts and design for the environment. Boca Raton: BrownWalker Press, 2015, lk 55–68.
- 6 Süvakohanemine (*deep adaptation*) on kliimateadlase Jem Bendelli kasutatav sõna, kõlades kokku Arne Næssi süvaökoloogiaga (*deep ecology*).
- 7 Kull, Kalevi. Ecosemiotics of art: Whether nature may be beautified. In: Allora, Jennifer; Calzadilla, Guillermo (eds.), Puerto Rican Light (Cueva Vientos). New York: Dia Art Foundation, 2016, lk 99–105, 183–185. Kull, Kalevi. Kas loodust võib teha ilusamaks. Kunst.ee 2, 2001, lk 68–75.

- 1 Saito, Yuriko (1999). Looduse väärtustamisest (translated by Maran, Timo). In: Vikerkaar (2/3), pp. 76–90.
- 2 Kull, Kalevi 2019. Kohalik kooslus. In: Vikerkaar 34(9), pp. 41–43.
- 3 Carlson, Allen (2018). Environmental aesthetics, ethics, and ecoaesthetics. In: Journal of Aesthetics and Art Criticism 76(4), pp. 399–410. Cheng, Xiangzhan (2013). On the four keystones of ecological aesthetic appreciation. In: Estok, Simon C. and Kim, Won-Chung (Eds.). East Asian Ecocriticisms: A Critical Reader. New York: Palgrave Macmillan, pp. 221–236.
- 4 Araeen, Rasheed (2009). Ecoaesthetics: A manifesto for the twenty- first century. Third Text 23(5), pp. 679–684. Miles, Malcolm (2014). Eco-Aesthetics: Art, Literature and Architecture in a Period of Climate Change. Bloomsbury Academic.
- 5 Phillips, Perdita (2015). Artistic practices and ecoaesthetics in post-sustainable Worlds. In: Crouch, Christopher; Kaye, Nicola; Crouch, John (Eds.). An introduction to sustainability and aesthetics: The arts and design for the environment. Boca Raton: BrownWalker Press, pp. 55–68.
- 6 *Deep adaptation* is a term used by climate scientist Jem Bendell, used alongside the *deep ecology* of Arne Næss.
- 7 Kull, Kalevi (2016). Ecosemiotics of art: Whether nature may be beautified. In: Alloram Jennifer and ; Calzadilla, Guillermo (Eds.). Puerto Rican Light (Cueva Vientos). New York: Dia Art Foundation, pp. 99–105, 183–185. Kull, Kalevi (2001). Whether Nature May Be Beautied. In: Kunst.ee 2,

HALLID LEPAD KARULAS
ALDERS IN KARULA
СЕРЫЕ ОЛЬХИ В КАРУЛА

Õli lõuendil
Oil on canvas
Холст, масло
70 × 163 cm
2019

Пейзажная живопись переносит нас на изображенное место. И если через эти микроландшафты всмотреться в портреты биологических сообществ, то возникнет еще более сильная связь. Родится симбиоз.

В лесу Пухтулайд уже более двухсот лет стоит небольшой, один из первых в мире, монумент Фридриху Шиллеру. Встретить строфы Шиллера в лесах Эстонии – немного странно, но в них есть и экологическое послание из эпохи романтизма. Поэт писал о свободной природе, к которой можно прийти через хорошее искусство.

Поросшие грибами трухлявые деревья в заросшем лесу. Старую местную экосистему практически невозможно улучшить.⁷ Но есть шанс осознания ее значимости. Шанс понимания, сосуществования с ней.

- 1 См.: Saito, Yuriko (1999). Looduse väärtustamisest. (Маран, Тимо, пер.) // Vikerkaar (2/3). С. 76–90.
- 2 Kull, Kalevi (2019). Kohalik kooslus. // Vikerkaar 34(9). С. 41–43.
- 3 Carlson, Allen (2018). Environmental aesthetics, ethics, and ecoaesthetics. // Journal of Aesthetics and Art Criticism 76(4). С. 399–410. Cheng, Xiangzhan (2013). On the four keystones of ecological aesthetic appreciation. // Под ред. Simon C. Estok, Won-Chung Kim. East Asian Ecocriticisms: A Critical Reader. New York: Palgrave Macmillan. С. 221–236.
- 4 Araeen, Rasheed (2009). Ecoaesthetics: A manifesto for the twenty-first century. Third Text 23(5). С. 679–684. Miles, Malcolm (2014). Eco-Aesthetics: Art, Literature and Architecture in a Period of Climate Change. Bloomsbury Academic.
- 5 Phillips, Perdita (2015). Artistic practices and ecoaesthetics in post-sustainable Worlds. // Под ред. Christopher Crouch, Nicola Kaye, John Crouch. An introduction to sustainability and aesthetics: The arts and design for the environment. Boca Raton: BrownWalker Press.

- С. 55–68.
- 6 Понятие «глубокая адаптация» (deep adaptation) используется ученым-климатологом Джеймом Бенделлом как созвучное концепции «глубокой экологии» (deep ecology) Арне Несса.
- 7 Kull, Kalevi (2016). Ecosemiotics of art: Whether nature may be beautified. // Под ред. Jennifer Allora, Jennifer, Guillermo Calzadilla. Puerto Rican Light (Cueva Vientos). New York: Dia Art Foundation. С. 99–105, 183–185. Kull, Kalevi 2001. Kas loodust võib teha ilusamaks. // Kunst.ee 2. С 68–75.

KÄND KARULAS
A STUMP IN KARULA
ПЕнь В КАРУЛА

Õli lõuendil
Oil on canvas
Холст, масло
70 × 90 cm
2018

POSTID METSAS
POSTS IN THE FOREST
СТОЛБЫ В ЛЕСУ

Õli lõuendil
Oil on canvas
Холст, масло
160 × 195 cm
2019

TEEPERVELT METSA

Siim Preiman

Umbes poolteist sajandit pärast esimeste asustajate Marsile saabumist on planeedi maavormimine jõudnud nii kaugele, et varem viljatu ja sõmer punane pinnas on siin-seal aednike hoolsa töö järel kattunud roheliste saarekestega. Taimed ning loomad põlvnevad küll Maalt pärit liikidest, kuid nende geneetilist koodi on Marsi olusid silmas pidades oluliselt muudetud. Siiski reisib mööda planeeti komisjon, kes uurib kraatritesse tekkinud roheliste saarekeste elustikku ning selgitab välja, millised on Marsi liikide loomulikud levilad. Nii muutub kord võimalikuks ka neljandal planeedil ühtesid eluvorme pidada võõrasteks, teisi omadeks.

Ameerika ulmekirjaniku Kim Stanley Robinsoni Marsi-trilooias kujuneb ajapikku välja kaks vastandlikku parteid: punased ja rohelised. Esimesed on sarnased äärmuslike rohelistega Maa peal: nimelt pooldavad nad punase planeedi säilitamist võimalikult inimeelsel kujul. Marsi rohelised propageerivad aga agressiivset maavormimist: hingatava atmosfääri loomist, floora ja fauna juurutamist jne. Sarnane metsiku ja hooldatu pooldajate vastuseis tekib kõikjal seal, kuhu ulatub inimasustuse niidistik. Vastuseisu hägustab asjaolu, et kaitsmist või hoidmist väärt keskkond ei ole üheselt üks ega teine. Näiteks liigirohkuse seisukohast on meile objektiivselt ühtviisi väärtuslikud nii inimtekkelised loopealsed

KASK JÄRVSELJAL

A BIRCH IN JÄRVSELJA

БЕРЁЗА В ЯРВСЕЛЬЯ

Õli lõuendil

Oil on canvas

Холст, масло

70 × 195 cm

2019

FROM THE ROADSIDE

TO THE FOREST

Siim Preiman

About a century and a half after the arrival of the first colonisers on Mars, the planet's soil formation has led to the formerly barren and gritty red terrain being sporadically covered with green islets, courtesy of the diligent work of the gardeners. The vegetation and wildlife is descended from species that hail from the Earth, but their genetic code has been notably altered to suit conditions on Mars. Nonetheless, at one point a commission circles the planet in order to map the biota of the green crater-islets and determine the natural habitats of the Martian species.

С ОБОЧИНЫ В ЛЕС

Siim Preiman

Примерно через полтора века после появления на Марсе первых колонистов терраформирование планеты зашло настолько далеко, что стараниями аграрной команды ранее бесплодная песчаная почва то тут, то там стала покрываться островками зелени. Животные и растения, конечно, были земного происхождения, но их генетический код с учетом условий Марса значительно изменился. В какой-то момент на планету заявляется комиссия, цель которой – закартографировать зародившиеся в кратерах Марса зеленые острова и выяснить, что представляет собой естественная среда обитания местных видов животных и растений. Так в один момент становится возможным разделить все формы жизни, существующие на четвертой планете, на свои и чужие.

kui ka puutumatud ürgmetsad. Maastiku harimine ei too üksnes majanduslikku kasu inimestele, vaid võib luua ka sobivaid elutingimusi teistele liikidele. Eitamata, et inimtegevus on liikide üleilmseid siirdeid kujuteldamatult kiirendanud, peab tunnistama, et liikide pärismaius kui selline on Maakera ajaloo suures plaanis suhteliselt ajutine mõiste.

Juba mitmendat hooaega elab minu auto tahavaatepeeglis üks ämblik. Ma ei ole ämblikku ennast kunagi näinud, aga kui autopesu, vihm või tuul võrgu hävitab, ilmub peeglile üle öö uus. Laskumata pikemasse mõtisklusse teemal, kui teadlik on ämblik maastikest, mida ta mu tahavaatepeeglisse peitununa läbib, on lihtne näha teda rändajana, kes sarnaselt laevade pilsivees leiduvate väikeloomadega mõõtnutuid vahemaid läbib. Mine tea, võib-olla ta ei olegi meie kandi ämblik, vaid leidis peeglitaguse kodu mõne mu pikema reisi ajal?

Oletame, et tegemist on siiski kodumaise ämbliku, mitte võõrliigiga. Mulle meeldib mõelda, et ämblikuga leppides olen ise ka väikestviisi looduskaitseja. Loodan, et meie kooselu on pigem sümbioos, ehk mõlemale kasulik. Minule on ämblik autot ehk jupikest mu omamaastikku rikastav elanik, tema võrk autoaknast paistvat maastikku täiendav esteetiline element. Ämblikule annab autos elamine võimaluse käituda nagu õhuookeani kammiv traaler, kes püüab oma võrku iga teeale sattuva mutuka.

Jane Remm on oma loomingus viimastel aastatel keskendunud

reach of the thread of human settlement. The contrast is blurred by the fact that an environment worth protecting or maintaining is neither one nor the other. For example, from the vantage point of biodiversity, both man-made alvars and untouched primeval forests are equally valuable to us, objectively speaking. Cultivating landscape does not only bring economic profit to humans, but might also create a suitable habitat for other species. Without denying that human activity has sped up the global migration of species beyond the imagination, one must admit that the indigenous nature of species as such is a rather temporary notion in the big picture of the Earth's history.

For the umpteenth season, a spider lives in the rear view mirror of my car. I must admit that I have never seen the spider itself, but if a car wash, rain, or wind destroys the web, a new one pops up on the mirror overnight. Without going into a longer discussion on the topic of how aware a spider is of the landscapes it passes through while hidden in my rear view mirror, it is easy to see it as a traveller who covers an immeasurable amount of ground – much like the small animals found in the bilge water of ships. Who knows, maybe it isn't a local spider, but rather one who found a home behind the mirror during one of my longer trips?

But let us presume that it's a native spider instead of an

В «Марсианской трилогии» американского писателя-фантаста Кима Стенли Робинсона со временем формируются две противоборствующие партии – «красные» и «зеленые». Первые являются аналогией радикально настроенным «зеленым» на Земле – сторонниками того, чтобы жизнь на красной планете оставалась такой, какой она и была до появления человека. А «зеленые» пропагандируют агрессивное развитие по подобию Земли: создание пригодной для дыхания атмосферы, заселение планеты земными видами флоры и фауны и так далее. Такое же противостояние марсианских «зеленых» и сторонников естественного и нетронутого распространяется на все аспекты человеческой деятельности. Положение усугубляется еще и тем, что на самом деле ни одна из партий в должной мере не защищает и не сохраняет окружающую среду. Например, с точки зрения многообразия объективно одинаково

ценными являются как виды, созданные землянами, так и нетронутые джунгли Марса. Обработка почвы не только может принести человечеству экономическую пользу, но и создать благоприятные условия обитания для других подвидов. Нельзя отрицать того, что человеческая деятельность значительно ускорила формирование различных форм жизни, но в тоже время стоит признать, что их существование в неизменно земной форме в контексте истории планеты – всего лишь вопрос времени.

Уже несколько лет в моей машине на зеркале заднего вида обитает паук. Признаюсь, я сам никогда его не видел, но когда автомойка, ветер или дождь повреждают паутину, в ту же ночь появляется новая. Не вдаваясь в глубокие размышления о том, насколько осознанно на стеле моего зеркала создается этот «ландшафт», легко заметить, что паучок путешествует вместе с машиной, совсем как мелкие морские обитатели,

metsade ja laiemalt maastike kujutamisele. Teda huvitab maastike esitlemine kultuuris ning see, kuidas erinevad maastikud on tekkinud või kuidas neid on aastate jooksul kujundatud. Sel teemal on ta korraldanud mitu isiku- ja paarisnäitust, viimasena 2019. aasta suvel koos Jaanus Remmiga Tartu kunstimajas toimunud näitus “t”. Seal eksponeeritud töödel kujutas ta autoaknast avanevaid vaateid. Maanteed on paljude inimeste jaoks peamine maastiku läbimise ja kogemise viis, teisest küljest on üha suurenev mobiilsus paljude maailma kimbutavate ökoloogiliste ohtude kaudne põhjus.

Näitusel “Vaateid maastikule” jätkab Remm mõtisklemist inimese ja maastiku suhete üle, astudes sel korral teepervelt sügavamale metsa. Eksponeeritud teosed võib jaotada kaheks. Esimeses ruumis esitletud suuremõõtmelised teosed kujutavad erinevaid tehilike ja looduslike maastikukomponentide kohtumispauku, harjumuspärase ilusa maastiku varju- või äärealasid. Näeme kuivendatud sood, tee-ehitust, aga ka näiteks rohtukasvanud kirikut. Tagumises ruumis on kändude allee. Tegemist ei ole aga maha saetud puudega, vaid oma loomuliku otsa leidnud põlispuudega, mida Remm käis ürgmetsas otsimas.

Maalikunstist, mis oli kunagi peamine visuaalse info jagamise viis, on foto ja muude kiiremaste pilditehnikate ilmumisega saanud alternatiivsete ideede ja lugude kants. Kui mõtlen “maastikumaal”, kerkib silme ette “maaliline maastik”, mis millegipärast ei hõlma

alien species. I like to think that tolerating the spider makes me a bit of a conservationist. I hope that our coexistence is more like a symbiosis, mutually beneficial. To me, the spider is an inhabitant that enriches a piece of my self-landscape – my car – with its web an aesthetic element complementing the landscape seen through the car window. To the spider, living in a car enables it to act like a trawler combing the aerial ocean, catching every bypassing insect with its web.

In recent years, the work of Jane Remm has focused on the depiction of forests and, more broadly, landscapes. She is interested in the presentation of landscapes in culture and how different landscapes have

been created or how they have been designed over the years. She has held multiple solo and joint exhibitions on the subject, most recently the exhibition “t”, held in collaboration with Jaanus Remm at Tartu Art House in the summer of 2019. In the works exhibited there, she depicted views visible from car windows. For many people, roads are the primary way of traversing and experiencing landscapes, but on the other hand, our ever-increasing mobility is the indirect cause of numerous ecological threats troubling the world.

In this exhibition, “Views on a Landscape”, Remm continues contemplating the relations between man and landscape, this time stepping off the roadside and deeper

собирающиеся в трюмной воде корабля. Кто знает, может это вовсе не местный паук и за стеклом зеркала он появился во время одного из моих дальних путешествий?

Предположим, что это все же местный паук, а не какой-то заморский вид. Мне нравится думать, что, мирясь с его присутствием в моей машине, я тоже в какой-то степени защищаю природу. Надеюсь, что наше «сотрудничество» – это своеобразный симбиоз, полезный для нас обоих. Паук же вносит разнообразие в машину, тем самым обогащая «ландшафт» моей жизни. Паутина – что-то вроде дополнительного эстетического элемента, а паук, обитая в машине, представляет собой что-то вроде бороздящего океаны траулера – он точно так же ловит в свои сети каждую мушку, что попадется на пути.

Последние годы особое место в творчестве Яне Ремм занимают изображения лесов и ландшафтов.

kõdunevaid kände või kuivendatud soid. Kunstil on kaua olnud keeruline, aga oluline roll kultuuri kujunemises. Seepärast tundub Remmi fotorealistlik maalimisviis nende teemade ja motiivide käsitlemiseks taktikalise valikuna. Fotorealistlik (ehk hüperrealistlik) maal muudab kujutatud maastikud ülireaalseteks ja kaotab meid tavaliselt maastikust eraldava klaasi, olgu see auto tuuleklaas või ekraani kattev kaitseklaas. Näib, et maalikunsti “maalilisuse” abil püüab Remm propageerida intiimsemat maastikukogemust, kus muru võib olla kõrgem kui 15 cm, kus hoolikalt astudes võib minna kaugemale teepervest või laudteest ja kus eri liigid elavad külje kõrval nii metsas, põllul kui ka linnatänaval.

into the woods. The exhibited works could be divided in two. Large-scale works shown in the first room depict the meeting points of different artificial and natural landscape components, the shadow zone or periphery of the familiar, beautiful landscape. We see a drained mire, road building, but also an overgrown church. The back room features an alley of tree stumps. These are not the result of logging, but legacy trees that had come to their natural end, found by Remm in a primeval forest.

Painting, once the primary way of sharing visual information, has become the stronghold of alternative ideas and stories with the advent of photography and other faster forms of imaging. If I think of a

“landscape painting”, I picture a “picturesque landscape” that for some reason does not involve rotting tree stumps or drained mires. For long, art has played a difficult yet important role in the development of culture. This is why the photorealistic style of painting seems like a tactical choice for approaching these themes and motives on Remm’s part. The photorealistic (hyperrealistic) painting turns the depicted landscapes into something super-real and removes the glass that usually separates us from the landscape, be it the windshield of a car or the protective glass of a screen. It seems that with the “picturesqueness” of painting, Remm tries to promote a more intimate experience of

landscape, where the grass can be taller than 15 centimetres, where – if moving carefully – one can go beyond the shoulder of the road or the boardwalk, and where different species live side by side both in the forest, the field, and the city street.

Художницу интересует, как такого рода пейзажи представлены в культуре и как разные ландшафты возникали и менялись со временем. Ремм провела несколько сольных и парных выставок, посвященных этой теме. Последней из них была совместная с Янусом Реммом выставка под названием «t». Она прошла в Тартуском Доме искусства летом 2019 года. В рамках выставки художница представила работы, где изображены открывающиеся из окна машины виды. Для многих людей именно автомобильные шоссе являются главным местом встречи с ландшафтами, кроме того, все возрастающая мобильность человека тоже является косвенной причиной многих глобальных экологических проблем.

В рамках выставки «О ландшафтах» Ремм продолжает рассуждать об отношениях человека и ландшафтов. На этот раз художница предлагает заглянуть в самые дебри леса. Представленные работы можно разделить на две группы:

в первом помещении представлены крупногабаритные работы, которые демонстрируют место стыка природных и искусственно созданных компонентов ландшафтов, а также незаметные, теневые, крайние точки привычных и красивых пейзажей. Зритель сможет увидеть высохшие болота, строящиеся дороги, а также, например, заросшее травой здание церкви. Во втором, дальнем помещении – аллея из старых пней. Но речь идет не о вырубке леса, а о вековых деревьях, уже отживших свое. Именно их Ремм и искала в лесах.

Искусство живописи когда-то являлось главным способом передачи визуальной информации, но с приходом фотографии и прочих способов быстрого запечатления изображения живопись стала цитаделью альтернативных идей и историй. Когда я думаю о «пейзаже», перед глазами появляется «нарисованный ландшафт», в котором почему-то вовсе нет места гниющим пням и высохшему

KÄND JÄRVSELJAL
A STUMP IN JÄRVSELJA
ПЕнь В ЯРВСЕЛЬЯ

Õli lõuendil
Oil on canvas
Холст, масло
70 × 80 cm
2018

Jane Remm. VAATEID MAASTIKULE / VIEWS ON A LANDSCAPE / ВИД НА ЛАНДШАФТ. 25.10.—15.12.2019. Kuraator / Curator/ Купатор: Siim Preiman.

Tekstid / Texts / Тексты: Kalevi Kull, Siim Preiman, Jane Remm. Graafiline disain / Graphic design / Графический дизайн: Indrek Sirkel, Ott Kagovere. Installatsioon / Installation / Установка: Valge Kuup. Näituse toimkond / Exhibition team / Выставочная команда: Siim Preiman, Sirli Oot. Tõlked / Translations / Переводы: Refiner. Keeletoimetus / Copy-editing / Редактирование: Helve Hennoste. Täname / Thank you / Благодарности: Eesti Kultuurkapital, Eesti Kultuuriministeerium, Eesti Kunstnike Liit, AkzoNobel, Aleksander Kuchmezov, Liina Remm, Maria Tamm.

KULTUURIMINISTEERIUM

AkzoNobel

Kunstihoone 2019. aasta näituseprogramm pöörab erilist tähelepanu hea olemise võimalikkusele ning ökoloogilisele vastutusele kindla huku tingimustes. Selle teemade-ringi ümber koondub viis näitust, millest Jane Remmi “Vaateid maastikule” on järjekorras neljas.

The 2019 exhibition programme at Tallinn Art Hall directs special attention towards the possibility of being good and ecologically responsible in the circumstances of certain ruin. Five exhibitions congregate around these themes of which Jane Remm’s “Views on a Landscape” is the fourth.

В 2019 году выставочная программа Дома искусства уделяет особое внимание умению и возможности «быть хорошим», а также личной ответственности каждого перед лицом неминуемой экологической катастрофы. Всего этой теме посвящено пять выставок, выставка Яне Ремм «Вид на ландшафт» – четвертая из них.

KUUSK JÄRVSELJAL
A SPRUCE IN JÄRVSELJA
ЕЛЬ В ЯРВСЕЛЬЯ

Õli lõuendil
Oil on canvas
Холст, масло
70 × 105 cm
2019

